

— ...Чжо? Боцяо?

Зов внезапно прозвучал прямо в голове, и он в тот же миг пришёл в себя, оторвавшись от газеты и глядя на отца, который сидел напротив с крайне странным выражением лица.

— В чём дело, пап?

— Это папа хочет спросить, что с тобой! Я уже несколько раз тебя звал.

Отец Фана нахмурился, с удивлением обнаруживая, что его сын способен вот так витать в облаках — раньше он за ним такого не замечал! В прошлый раз тот беспрецедентно проспал, а ещё раньше — вообще непонятно с чего подхватил простуду и слёг с температурой. Неужели всё дело в бешеном напряжении перед выпускными экзаменами или в непосильной нагрузке в баскетбольной команде, из-за чего сын и начал сбивать? Но вряд ли такое возможно...

Единственная вероятная причина —

— Тебе всё ещё не даёт покоя та старая травма лодыжки? — осторожно поинтересовался он, боясь снова задеть душевную рану сына.

— Что? — Словно свалившиеся с неба слова отца заставили Фан Боцяо недоумённо сощуриться.

— Отец тут разговаривал с доктором Чжаном из ортопедии, который тебя осматривал... — Отец Фана неловко кашлянул.

— Он сказал, что в профессиональный спорт тебе путь заказан, но с обычными баскетбольными нагрузками ты вполне справишься, так что правда не стоит так убиваться... Он ещё просил особо напомнить: бегать и прыгать с твоей ногой в целом можно, но в том финальном матче всё же стоит по возможности избегать слишком резких движений, чтобы не спровоцировать рецидив старой травмы... Кхм, папа знает, как важна для тебя была та игра, но в любом случае...

— Я знаю, — перебил Фан Боцяо. — Я буду осторожен.

— Хотя папа не сможет поехать с тобой на игру и поболеть за тебя вживую, я обязательно постараюсь выкроить время и посмотреть телетрансляцию, — похлопав себя в груди, пообещал отец Фана.

— Угу... — кивнул он. — Спасибо, пап.

Он прекрасно понимал, что отец на самом деле абсолютно ничего не смыслит в баскетболе, а работы в больнице вечно невпроворот, и то, что он готов так поступить, уже дорогого стоит.

— Да, кстати, на Новый год папа планирует отвезти всю семью в Швейцарию навестить твою бабушку и дядю, заодно развезаться. Примерно на неделю. Ты сможешь выкроить время?

— У баскетбольной команды с четвёртого дня нового года начинаются усиленные тренировки, отдыхать будем всего четыре дня, — без колебаний ответил Фан Боцяо. — Езжайте без меня.

— Ох уж эти ваши суровые баскетбольные тренировки! — на лице отца отразилось огорчение.
— Но бабушка всегда любила тебя больше всех, без тебя она наверняка сильно расстроится, да и здоровье у неё в последнее время снова неважное...

— В следующем семестре в школе останутся только часы для самоподготовки. Как только закончится финал, я сразу же поеду в Швейцарию навестить её.

— А как же твои экзамены? — До вступительных оставалось всё меньше времени, и все старшеклассники сидели над учебниками, словно у них земля под ногами горела, а этот его сын не слишком ли легко ко всему относился? И назло всему, каждый раз, когда приходили результаты тестов, возразить было абсолютно нечего.

— Книги можно взять с собой и готовиться там, — небрежно бросил Фан Боцяо.

— Ну ладно.

Оставалось лишь признать, что сын уродился чересчур талантливый. Отцу, конечно, было лестно, но в то же время слегка тоскливо — эх...

Видя, как отец со вздохами поднимается на второй этаж, Фан Боцяо перевёл взгляд обратно на газету и принялся читать небольшую заметку.

...Даже если двое не любят друг друга, они всё равно могут заниматься сексом. Могут целоваться, могут обниматься, но никогда не возьмутся за руки.

Чем ближе физическая дистанция, тем дальше друг от друга сердца.

Просто потому, что помимо любви у людей есть такая вещь, как вождение.

...

Он отложил газету и обхватил себя руками за плечи. Под слоями одежды кожа была сплошь усеяна чужеродными багровыми метками — следами, которые тот человек оставил насильно и которые никак не удавалось стереть; не было ещё ни дня, чтобы тело оставалось целым. Он уже сбился со счёта, сколько раз этот мужчина брал его.

Он и тот человек... Их связь и впрямь так абсурдна, как говорится в этой статье... Выдохи, стоны, глухое рычание, вскрики... После того как буря страсти утихает, в комнате остаётся лишь звенящая тишина.

— М-м...

Фан Боцяо измождённо свернулся калачиком на столе в тренерской баскетбольной команды. Разложенные прежде стопками видеокассеты, документы и прочие вещи теперь валялись по всему полу.

Ублюдок... Берёт, когда захочет, вообще не считаясь ни со временем, ни с местом...

...И вот на беду, противиться ему он не был в силах.

После того случая в классе они вернулись к прежним отношениям, и казалось, будто недавнего конфликта никогда не было. Пэй Чэн словно напрочь забыл о том вопросе и больше не требовал от него ответа. Вот только стал ещё изощрённее и требовательнее, выколачивая из него всё больше.

Этот тип вечно делал всё, что взбредёт ему в голову, не признавая никаких запретов. За те считанные дни, что выпадали на школьную самоподготовку, этот безумный мужчина успел перебивать с ним во всех потаённых уголках школы. Фан Боцяо ничего не мог с этим поделать, потому что каждое его сопротивление, каждую мольбу тот неизменно превращал в тихие, разбитые всхлипы, срывавшиеся с закушенных до крови губ.

Его тело — от первоначального отторжения и страха — теперь всё сильнее привыкало к присутствию этого мужчины. Порой, в разгар страсти, он даже сам невольно отвечал на его ласки. Но если бы Пэй Чэн снова задал тот же вопрос, он по-прежнему не смог бы найти ответа...

Зачем он это спрашивает — какова его цель?.. Фан Боцяо не хотел об этом думать, но мысли сами собой неотступно крутились в голове, и стоило ему опомниться, как обнаруживалось, что он думает только об этом.

Хотя всё вернулось на круги своя, между ними словно натянулась невидимая струящаяся болью струна, звенящая от напряжения. Пэй Чэн стал ещё более замкнутым и молчаливым, поумерил свой нрав и больше не выставлял эмоции напоказ. Словно надел маску, сквозь которую было невозможно разглядеть, что творится у него на душе.

Между ними оставалось лишь общение тел... а всё остальное сводилось к незначительным, пресным словам.

Лёгкое ощущение чего-то чужеродного тихо расползлось изнутри. Когда же эта струна

порвётся?

— Побудь ещё немного.

Пэй Чэн стоял у края стола и курил. Заметив, что Фан Боцяо поднимается и начинает одеваться, он перехватил его за руку.

— Половина времени дневной самоподготовки уже прошла. Убрав чужую руку, Фан Боцяо опустил голову и продолжил завязывать галстук.

После встречи с этим мужчиной даже прогулы стали для него обычным делом. И хотя следивший за порядком учитель наивно полагал, что он ходит тренироваться в одиночку, и ни о чём не спрашивал, на душе всё равно было беспокойно. Но разве мог он признаться, чем занимался на самом деле...

— Самоподготовка? — Пэй Чэн усмехнулся. — Она тебе нужна? Вечному круглому отличнику.

Движения Фан Боцяо замерли. Он... никак не ожидал, что тот об этом знает.

— Не стоит мнить себя никем. У тебя полно титулов, например — любимец всех девчонок в школе, первый красавец и всё в таком духе.

— Впервые слышу, — нахмурился Фан Боцяо. Любимец девчонок — это ведь он про него?

Пэй Чэн легонько отбросил назад его влажные от пота пряди и, не обращая внимания на то, как внезапно напряглось чужое тело, принялся разглядывать тонкий белый шрам.

— На прошлой неделе видел тебя возле больницы Жунцзун. Ходил снимать швы?

— ...Угу. — Фан Боцяо слегка удивился. Тот тоже был неподалёку? Сам он ничего не заметил.

— Какой-то хрен остановил тебя поболтать — это ещё что за тип?

Фан Боцяо немного подумал, прежде чем припомнить нечто подобное. — ...Тот человек сказал, что он скаут, и предложил пойти в шоу-бизнес. Я отказался.

— Скаут? Хм, неудивительно... — Палец Пэй Чэна скользнул со лба вниз, оглаживая его красивое лицо. — С такой физиономией ты и впрямь заткнешь за пояс любую женщину.

— Ты... — Лицо Фан Боцяо изменилось, он уже собирался ответить, но Пэй Чэн тут же раздражённо оборвал его:

— Хватит болтать! Я не говорю, что ты похож на бабу. Ты мужик, и я это прекрасно знаю.

Фан Боцяо слегка опешил, глядя, как лицо мужчины приближается, и тот на миг припадает к его губам поцелуем.

— Экзаменуемый, иди обратно грызть гранит науки. Я пошёл.

— Погоди. — Увидев, что тот отпирает замок на двери и собирается выйти, Фан Боцяо вспомнил кое о чём и выпалил, останавливая его:

— Я... на Новый год буду не в Тайбэе, просто предупреждаю тебя заранее.

Он боялся, что тот снова заявится к нему домой, а там останется только Анна.

— Новый год? ...Это когда?

— Ты не знаешь? Послезавтра. — Непривычная неосведомленность Пэй Чэна слегка удивила его. Ах да, он же всё это время пробыл за границей... — Самоподготовка заканчивается сегодня, с завтрашнего дня, в канун Нового года, начинаются каникулы вплоть до начала занятий. У команды отгулы только до третьего дня.

— Вот как? — Пэй Чэн в действительности не интересовался никакими новыми годами, лишь лениво повёл брови. — Куда собрался? С семьёй куда-то едете?

Фан Боцяо покачал головой. — Они улетают за границу. Я хочу один съездить в горы, отдохнуть несколько дней. У моего отца есть домик в горном районе Хуаляня, я каждый год во время зимних и летних каникул езжу туда пожить.

Правда, в этом году из-за выпускного класса дел было особенно много, поэтому надолго задержаться не получится.

Пэй Чэн немного помолчал, а затем неожиданно бросил:

— Я поеду с тобой. Когда отправляемся?

— ...А? — Он тоже поедет?

Фан Боцяо никак не ожидал от него такого заявления и от удивления широко распахнул глаза.

Пэй Чэн отменил его первоначальный план добираться сначала на поезде, а потом пересесать на автобус, и на следующий день в полдень лично прикатил серебристо-белый спорткар,

припарковав его прямо у ворот дома.

— У тебя вообще есть права? — Фан Боцяо нахмурился, наблюдая, как тот без лишних слов подхватывает его вещи и швыряет в салон. Садиться в эту машину ему не хотелось от слова совсем.

— Ещё бы, — бросил тот уклончивый ответ, сам открыл пассажирскую дверь и безапелляционно скомандовал: — Садись!

Фан Боцяо попытался было возразить, но, столкнувшись с тяжёлым взглядом Пэй Чэна, в конце концов закрыл рот и послушно забрался в салон. У него больше не было ни времени, ни сил спорить с этим своенравным типом. Он пристегнул ремень безопасности и посмотрел, как Пэй Чэн уверенным движением перехватил руль, ловко развернул машину в не самом широком переулке и рванул вперед.

— Не гони так быстро, в канун Нового года на дорогах будет полно машин, — произнес он, хотя и понимал, что это бесполезно.

— Хватит ворчать! Спи давай, я сам вести умею.

— Ты вообще знаешь, как выехать к восточному побережью? — заметив, что Пэй Чэн кивнул, он не удержался от удивления: — Разве ты не сидел в Штатах до самого прошлого года?

— Пока не уехал за границу, я один раз был в Таруко.

— Один раз? — К тому же еще до отъезда за границу... сколько лет назад это было?

— Стоит мне хоть раз пройти по дороге, и я ее запомню. — Пэй Чэн бросил на него косой взгляд: — Как доберемся до Хуаляня, сам подскажешь, как добраться до этого места. Быстро спать!

— У меня нет ни капли сна. — Фан Боцяо покачал головой, чувствуя легкое беспокойство, и решил приглядывать за дорогой.

— Тебе лучше воспользоваться моментом и подкопить сил. — Пэй Чэн смотрел вперед и прямо заявил: — Боюсь, ночью я тебе поспать не дам.

— Ты... — дыхание Фан Боцяо на миг перехватило, он в полном неверии уставился на него.

— Не наглей... Тебе вчера было мало? — Тот мучил его в школе едва ли не до самого полудня, а вечером, воспользовавшись тем, что все его домашние улетели за границу, без приглашения вломился в дом... В итоге он снова проспал до полудня, а поездка в Хуалянь оказалась сорвана

и отложена.

— Мало, — коротко бросил в ответ Пэй Чэн. — Я не твоего согласия спрашиваю, а просто слегка напоминаю. Хочешь спи, хочешь нет, дело твое.

...Он что, монстр? — Я всю дорогу буду спать, а ты? Проведя за рулем целый день, неужели ты не устал?

— Сам как думаешь? — тот тихо фыркнул, и уголки его губ высокомерно приподнялись.

— Ублюдок... И ведь выкурил столько сигарет... — Фан Боцяо с досадой закрыл глаза, до конца так и не постигнув, откуда в нем берется эта бездонная выносливость. Просто противоестественно!

Сон на удивление оказался очень крепким. Когда он проснулся снова, они уже подъезжали к окрестностям Таруко, за окном клубился густой белый туман, а куда ни кинь взгляд — повсюду простирались величественные, суровые пейзажи.

Под его указания машина виляла, преодолевая бесчисленные повороты, углубилась в горный массив и остановилась у подножия небольшой деревушки.

— Дальше на машине не проехать, отсюда придется идти пешком, — Фан Боцяо указал на едва приметную тропинку неподалеку. — Хижина спрятана в этих горах, место очень укромное.

— Идти? Скорее уж карабкаться! — Пэй Чэн нахмурился, глядя на крутые горные склоны. — ...И как твой старик вообще отыскал такую глухомань?

— Это место принадлежит нашей семье еще со времен деда, — Фан Боцяо неодобрительно покосился на него. — Здесь очень хорошо: летом можно рыбачить и любоваться цветами, зимой — греться в горячих источниках. Тут вовсе не так дико, как ты себе представляешь.

Его отец вместе с коллегами по больнице очень любили здешние пейзажи и тишину, при любой возможности они собирались компанией и приезжали сюда отдыхать, так что в хижине было абсолютно всё необходимое.

— Ты что, старик? — Звучало так, будто у них стариковские привычки. — Тьфу! В отличные новогодние каникулы притащиться в такую глушь лазать по горам... Я мог бы показать тебе кое-что поинтереснее, это всяко лучше, чем якшаться здесь с мартышками.

— Зимой здесь нет мартышек. — Фан Боцяо с недовольным видом взвалил на плечи вещи: — Ты сам вызвался поехать, не нравится — возвращайся назад. — Бросив это холодное замечание, он развернулся и самостоятельно зашагал по тропинке.

Вдруг сверху на него что-то опустилось — он опешил: это оказалось широкое мужское пальто, шерстяная ткань приятно грела.

— Надень! Притащиться в такую глушь на большую высоту в разгар зимы, ты что, мазохист? — тут же раздался над ухом голос Пэй Чэна; хоть лицо у того и было хмурым, он всё же увязался следом.

— Не нужно... — он снял пальто и протянул обратно. — Не надо.

— Сказал надеть — значит надевай! — Пэй Чэн помрачнел. — Одет в какую-то тряпку, думаешь, у тебя богатырское здоровье? Только попробуй мне потом создать проблемы! — Он силой заставил Фан Боцяо надеть пальто.

Какое большое... подол почти доходил до колен. Знакомый запах табака окутал тело, на мгновение погрузив его в легкий транс.

— Сколько еще примерно идти? — Пэй Чэн обогнал его и зашагал впереди.

— ...Почти час. — Если идти быстрым шагом.

Час? Разве не минут десять? — Тц! Просто преклоняюсь перед такими любителями романтики вроде вас, таскаться по горам ради забавы...

Фан Боцяо молча следовал за ним по пятам. Как бы этот тип ни ворчал, для человека с его великолепной физической формой подобная горная тропа не составляла ни малейшего труда. Шагал он так быстро, что самому Фан Боцяо приходилось прибавлять ходу, лишь бы не отставать.

Не прошло и сорока минут, как за легкой горной дымкой показалась затерянная среди деревьев хижина.

— И это называется хижиной... С каких пор она маленькая? — выругался Пэй Чэн. На кой черт возводить такое здание в подобной глуши — тот, кто строил его изначально, явно маялся от безделья.

Фан Боцяо достал ключ и отпер парадную дверь. — Сюда часто приезжает много народу, поэтому позже сделали пристройку. Не так давно здесь гостили коллеги моего отца...

Он оставил вещи и прошел на кухню, распахнув холодильник: внутри и правда нашлось немного еды.

— Проголодался? Здесь есть газ, можно что-нибудь сварить.

Лапша, замороженное мясо, консервы на любой вкус... Если присмотреться, на кухне обнаружилось немало съестного.

— Ты задаешь глупые вопросы! Умираю с голоду! — Пэй Чэн уселся на ковер и бросил на него сердитый взгляд.

Гостиная и кухня составляли единое пространство, в доме не было ни единого стула — лишь несколько мягких подушек на пушистом ковре вокруг низкого столика по центру. Чайный сервиз, шахматная доска, радиоприемник — всё было под рукой.

— ...Подожди немного, я сварю лапшу. — Фан Боцяо снял пальто и закатал рукава.

— Ты умеешь готовить? — Пэй Чэн приподнял бровь. — Ты же вроде у нас избалованный барчук? Разве дома нет прислуги? — Сам он никогда в жизни не заходил на кухню.

— Простое блюдо... И никакой я не барчук, это Анна вечно норовит так меня называть.

Сколько ни просил — без толку.

— Вот как?

Пэй Чэн откинулся назад, наблюдая за тем, как Фан Боцяо хлопочет на кухне, и больше ничего не говорил.

В тишине горной хижины раздавался лишь едва слышный гул пламени газовой горелки.

— Как скучно. Скукотища смертная. Да я здесь и дня не выдержу.

— ...Тогда возвращайся.

— Эй, здесь хотя бы должен быть бильярдный стол. В нормальных загородных виллах они всегда есть.

— Откуда здесь взяться такой вещи? Какая еще загородная вилла!

— Тц.

Фан Боцяо поднял голову, взглянув на вечно жалующегося мужчину, и снова опустил взгляд, продолжая прибирать на столе.

— ...Подожди еще чуть-чуть. Неподалеку есть природный горячий источник, там очень красиво... Когда я закончу с уборкой, отведу тебя посмотреть.

— Горячий источник под открытым небом? Звучит заманчиво. Впрочем, в постели наверняка удобнее?

— ... —

Ответа, разумеется, не последовало. Пэй Чэн лениво прислонился к краю стола, наблюдая, как Фан Боцяо молча собирает посуду и пустые кастрюли, уносит на кухню, моет и расставляет по местам.

— Эй, ты сейчас... прямо как заботливая жена.

Фан Боцяо так и замер с пиалой в руках, едва не выронив ее.

— Что ты за глупости говоришь? — нахмурился он. Ни один мужчина не обрадуется подобному комплименту.

— Я просто говорю правду. Тц, и кулинарные навыки просто потрясающие... — он мысленно вспомнил то самое магическим образом состряпанное из скудных запасов простейшее блюдо. — Если бы все мужчины в мире были такими, как ты, женщинам пришлось бы туго. Боюсь, многие от стыда захотели бы сброситься со скалы.

— Не говори о том, чего не может быть. — ...Чего этот гад вообще добивается?

— Этого и правда не может быть... — Пэй Чэн пристально смотрел на его неподвижную спину, а низкий голос, прозвучавший в прохладном воздухе, казался едва слышным шепотом.

— Ты такой один.

— Цзинь!

Раздался звон разбитого стекла — чашка выскользнула из рук и разлетелась на мелкие осколки. Не прошло и секунды, как Фан Боцяо опустился на кортах, собираясь подобрать осколки, но чужая рука уже схватила его и силой оттащила прочь от усыпанного осколками пола.

— Что ты делаешь? Пусти!

Фан Боцяо спотыкаясь шел следом, отчаянно пытаясь вырваться из мертвой хватки. Он терпеть

не мог, когда тот брал его за...

— Не отпущу. — Пэй Чэн крепко сжал его трепыхающуюся руку и резко притянул к себе, прижимая к груди и ощущая идущий от всего его тела необычный жар и напряжение.

В светлых глазах полыхал пожар страсти. Фан Боцяо всё понял моментально, и во рту у него вдруг пересохло.

— погоди, Пэй, давай я сначала уберу осколки...

— К черту осколки! — Пэй Чэн внезапно прикусил его губы, обрывая любые слова.

Желание нахлынуло быстро и яростно, так, будто каждая клеточка тела кричала от жажды. Этот единственный и неповторимый человек всегда умел легко разжечь в нем всепоглощающий огонь...

— Ты нужен мне прямо сейчас.

В клубящейся дымке горячего источника две сплетенные человеческие тени смутно вырисовывались в зыбком мареве.

Звуки воды жалобно плескались вокруг, но не могли заглушить срывающийся на крик приглушенный стон, который снова и снова отражался под необъятным куполом ночного неба, становясь всё отчетливее, словно уносимый потоками воздуха на другой склон горы.

Этот скрытый в горах источник он случайно отыскал еще в детстве, и вода здесь отличалась невероятной, несравненной чистотой. Он и подумать не мог, что однажды окажется нагишом в этом священном уголке детских воспоминаний, занимаясь любовью под открытым небом с другим мужчиной.

Это было безумием.

<http://bllate.org/book/21140/2144086>